

Предвидение Василия Сурикова
(1848-1919)

(Расследование в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК)

Василий Иванович Суриков - великий русский живописец, мастер масштабных исторических полотен. Эту информацию знает каждый русский человек. Но вот какое влияние оказал на 16-тилетнего Василия Сурикова зять губернатора Замятнина, живший квартирантом в их доме, знают уже далеко не все.

И еще меньше людей осведомлены о том, что послужило причиной знакомства Василия Сурикова, явившегося в из Красноярска Петербург с обозом осетров, с **Лилей Шаре**, столичной барышней, говорившей исключительно по-французски, дочерью весьма известного, но не слишком богатого бумаготорговца француза **Августа Шаре**? Почему против их брака были все: ее отец, его мать - Прасковья Федоровна?

В чем проявлялось художественное чутье Сурикова? Почему он, придя в гости к старому другу **Николаю Пассеку**, уничтожил подаренную ему когда-то свою картину?

За что художник проклинал свои картины? Почему считал, что они по крохам забирают его жизнь, а вместе с ней и жизнь той, которая была ему дороже всего на свете?

На самом ли деле его холсты могли предсказывать беду?

Зачем к умирающей Лиле - жене Сурикова, ежедневно приходил с визитом Лев Толстой? И почему Василий Суриков выгнал его из своего дома?

Давайте в ходе небольшого литературного расследования жизни и творчества русского художника попробуем найти ответы на эти вопросы вместе с читателями библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК и активистами ее Литературного клуба «Прикосновение».

Итак...

Да что с вами такое?

Шлепнув на стол пачку ассигнаций, **Суриков** для надежности придавил их хрустальной пепельницей и, круто развернувшись на каблуках, решительно шагнул к стене.

- *Господи помилуй, Василий Иванович, да что с вами такое?* - **Николай Помпеевич Пассек**, хозяин дома, чуть не плача смотрел на своего гостя. Едва не выдрал крючок, на котором висела картина, тот сорвал со стены заключенный в багет пейзаж и, со всего размаху хватив рамой о колено, принялся выдирать из нее жалобно затрепавший холст.

Выглянувшая из-за двери горничная Пассеков в ужасе перекрестилась. Через минуту от двух этюдов, еще недавно украшавших стену, осталась лишь жалкая кучка перепачканных высохшей краской холщовых обрывков. Устало опустившись на стул, Василий Иванович вытер со лба внезапно выступившую испарину:

- *Поверьте моему слову, Николай Помпеевич, они вам, как и мне, горе принесли бы, пейзажи эти...*

По сгорбленным плечам Сурикова вдруг прошла судорога рыдания. Но глаза его оставались сухими. «*Видно, выплакал, сердечный, все слезы*», - сочувственно подумала горничная, торопливо подбиравшая в подол фартука клочья разорванного холста.

...Поглядывая на пустые крючки, сиротливо торчавшие из стены, Николай Помпеевич Пассек сокрушенно вздохнул. Стараясь не смотреть в помертвевшие глаза Сурикова, Пассек успокаивающе похлопал его по плечу:

- *Ничего, Василий Иванович... Ничего. Бог милостив... Образуется все... Шут с ними, с этюдами этими...*

Если б только можно было помочь Василию Ивановичу... Пусть хоть лучшую в доме картину забирает! Да беда-то его не из тех, что поправить в человеческих силах...

И взглянув на горничную, торопливо засеменившую к двери с останками картин, приказал:

- *Неси-ка, Глаша, самовар. И черемуху прихвати...*

Три дня тебе на сборы, поедешь в Питер!

...С Василием Суриковым Пассек сдружился осенью 1887 года на пароходе, плывшем из Томска до Тюмени.

О строительстве Транссиба тогда еще только поговаривали, и всем, кто хотел добраться в родной суриковский Красноярск, приходилось по нескольку раз за дорогу пересаживаться с парохода на пароход и с поезда в тарантас. Зимой же пользовались санным путем, по которому неумоимо курсировали многочисленные обозы. Точно такие же, как тот, что некогда увез прочь из родного дома двадцатилетнего канцеляриста Енисейского губернского управления Васю Сурикова.

- Ну что ж ты, Васенька? Ведь сам хотел... Говорил, пешком пойдешь в академию... А тут такое счастье... Благослови господи добрых людей...

Прасковья Федоровна Сурикова обнимала за плечи готового расплакаться сына и молилась только о том, чтобы у нее самой не хлынули слезы. Господи, это ж какая даль-то: Санкт-Петербург! И чего ради? Какое-то рисование... Нечто в Красноярске рисовать нельзя?

Да Вася с детства рисует! Разве она против? И краски, какие надо, он всегда покупал, и бумаги, какой требуется, - она в деньгах сыну никогда не отказывала, хоть и жили скромно. А как еще жить вдове судебного регистратора, да еще с детьми-то на руках?

После смерти мужа **Ивана Васильевича** у Прасковьи Федоровны всего наследства и осталось, что трое детей да огромный двухэтажный бревенчатый дом в Красноярске, на Благовещенской улице, который покойный муж построил на деньги, присланные из далекого Туруханска его отцом, служившим там сотником.

Если бы не квартиранты, которым Прасковья Федоровна сдавала внаем верхний этаж, так и вовсе непонятно, чем бы жили, пенсия-то три рубля в месяц. А может, если бы не эти квартиранты, так и не прознал бы Вася ни про какую академию? Жил бы себе спокойно, как все живут...

Квартирантами у Суриковых были люди непростые: зять губернатора Замятнина с семьей. Губернаторская дочь с мужем привыкли относиться к хозяйкиным сыновьям Васе и Саше как к родным. Когда с деньгами у Прасковьи Федоровны стало совсем туго, они помогли пристроить старшего, шестнадцатилетнего Василия, из-за недостатка средств бросившего приходское училище, писцом в губернское управление.

Там на его рисунки обратил внимание губернатор Павел Николаевич, а с его подачи и сам городской голова, золотопромышленник **Петр Иванович Кузнецов**. Он-то и вызвался платить талантливому земляку стипендию, коль скоро Академия художеств благосклонно отзовется о его способностях.

Получив отправленные по почте рисунки молодого канцеляриста, вице-президент Императорской Академии художеств князь **Гагарин** отписал в Красноярск, что способности у юноши изрядные и академия готова принять его вольнослушателем.

В начале декабря, встретив Васю в церкви, Кузнецов объявил:

«Три дня тебе на сборы, поедешь в Питер». Было это в 1868 году...

«Господи помилуй, а если на Васю в этом Петербурге чахотка накинется?» - думала Прасковья Федоровна - Ведь и отец его, и дяди родные, отцовы братья, все от чахотки умерли, несмотря на то, что все были из казачьего рода и от природы богатырского здоровья... Да и без чахотки мало ли в дальних краях напастей?»

Звон колокольчиков подкатившего под окна обоза прервал вихрь тяжких мыслей, крутившихся в голове Прасковьи Федоровны. Что ж, раз сына судьба избрала, она судьбе не помеха. Все в руках Господа. Будет воля его - и в чужих краях счастье Васю найдет.

Первый успех

Еще до личного знакомства Николай Помпеевич не раз слышал о Сурикове от Кузнецова, которому приходился зятем. Впрочем, об этом человеке в восьмидесятые годы девятнадцатого века судачил чуть ли не весь российский художественный свет. Карьера, сделанная провинциальным канцеляристом за два десятка лет, была поистине головокружительной.

Явившись в Петербург с обозом, доставившим сибирских осетров в подарок столичным чиновникам, Суриков отучился лето в рисовальной школе при Обществе поощрения художников. Пройдя за три месяца трехгодичный курс, был принят в Академию художеств вольнослушателем, через год за отличные успехи переведен в число постоянных учеников, а еще через пять в числе четверых лучших выпускников претендовал на Большую золотую медаль.

Сразу же после окончания академии, трое из них в качестве поощрения получили приглашение участвовать в росписи возводившегося тогда с большой помпой в Москве храма Христа Спасителя. 1 марта 1881 года Суриков выставил в Петербурге на девятой передвижной выставке свое полотно *«Утро стрелецкой казни»*. Оглушительный успех картины не смогло заслонить даже случившееся в тот же день убийство императора Александра II.

Первую же крупную работу Василия Ивановича немедленно купил сам **Третьяков** - честь, о которой многие художники тщетно мечтали годами. А Товарищество передвижных художественных выставок в ту же весну приняло Сурикова в число своих членов. Отныне его полотна наряду с картинами **Репина, Крамского, Мясоедова, Маковского**, всякий раз появляясь на выставках товарищества, становились событием - в 1883-м прогремел *«Меншиков в Березове»*, в 1887-м - *«Боярыня Морозова»*. Все они также висели у Третьякова в Лаврушинском.

В Красноярске, куда Суриков приехал повидаться с родными летом 1887 года, его встречали почти как национального героя: *«талант»*, *«самородок»*, *«гордость Сибирской земли»*... Все это было, конечно, известно не только Пассеку, но и любому, кто в те годы интересовался русским искусством.

Но Николай Помпеевич знал о Сурикове и нечто сокровенное: в сердце этого угрюмого, по-казачьи ехидного, а иногда и по-сибирски сурового человека жила Любовь. Сильная, страстная и цельная, какая может жить только в настоящем мужском сердце.

Возможно, что Пассеку никогда не открылась бы эта ревниво оберегаемая Суриковым тайна, если бы не их многодневное совместное путешествие, неспешно протекавшее среди холодных сентябрьских туманов, сопровождаемое журавлиными криками и плеском паровозных колес. В таком путешествии каждый пассажир небольшого судна был как на ладони...

По вечерам спасались от осенней сырости в корабельной столовой. Наблюдательность Николая Помпеевича обострилась за долгие годы профессиональной дипломатической службы: он часами не уставал следить за разношерстной компанией, среди которой были даже два возвращавшихся из кругосветного путешествия англичанина.

Василий Суриков всегда приходил в кают-компанию с семьей: двумя дочерьми, **Олей** и **Леночкой**, и женой **Елизаветой Августовной**, которую сам Суриков обычно называл **Лилей**.

Лилечка, милая... Вы только ждите...

...- *Елизавета Августовна, позвольте мне вас проводить?*

- *Вы, может быть, удивитесь, но Елизаветой меня никто никогда не называет. Только Лилей... Так как-то само собой с детства повелось, - смутившись, улыбнулась девушка.*

- *Как вам будет угодно, - буркнул Василий Иванович и в ответ на ее смущение сам вдруг залился мучительным румянцем, казавшимся на его смуглом лице почти кирпичным.*

Господи, что он творит? В свои двадцать девять лет, имея хоть и скромный, но вполне приличный чин коллежского секретаря, будучи дипломированным художником, да и во всех смыслах самостоятельным мужчиной, он ведет себя как последний гимназист - подкарауливает едва знакомую девушку на улице да еще предлагает ей прогуляться наедине... Что она подумает? А впрочем, какая разница? Пусть думает что хочет, лишь бы шла рядом.

Девятнадцатилетнюю **Лилю Шаре**, дочь весьма известного в Петербурге, но не слишком богатого бумаготорговца, Василий встретил в католической церкви на Невском: вместе с сестрой **Соней** она каждое воскресенье приходила сюда послушать орган. Их отец, **Август Шаре**, был французом и перебрался в Петербург после женитьбы на **Марии Свистуновой**, с которой познакомился некогда в Париже. Ради нее он даже перешел в православие.

Жили сестры на Мойке и были настоящими столичными барышнями: дома говорили преимущественно по-французски, обожали театр, не пропускали ни одной художественной выставки и ездили на балы.

Стараясь приноровить свой размашистый шаг к стуку Лилиных каблучков, цокавших о гранит набережной, Василий с каждой минутой все больше мрачнел. Надо было что-то говорить, а все существовавшие на свете слова как будто раз и навсегда утонули в Мойке.

Вот если бы можно было сейчас же, немедленно, обнять ее, прижать к себе так, чтобы у обоих захватило дыхание!.. Господи, как ему надоел этот Петербург с его сыростью, помпезностью, хорошими манерами и вечным политесом!

Еще вчера Василию казалось, что как только из Москвы придет телеграмма о начале работ в храме, он здесь и дня не задержится. Учеба уже год как окончена. Правда, Большой золотой медали он не получил и в Италию не поехал - в кассах академии обнаружилась крупная растрата, и на традиционную стажировку лучших выпускников денег не нашлось.

Зато обделенным художникам выхлопотали выгодный заказ: за роспись в храме Христа Спасителя ему обещают десять тысяч - деньги вполне достаточные, для того чтобы по окончании хоть и почетных, но все-таки казенных работ взяться за нечто собственное, сокровенное...

И вот долгожданная телеграмма получена. Эскизы, сделанные Суриковым на тему четырех Вселенских соборов, начальством одобрены. Собранные все в тот же, еще сибирский баул немудреные пожитки уже несколько недель стоят под кроватью, готовые в путь...

А он каждый вечер приходит к заветному дому на Мойке и часами топчется в подворотне, поджидая, когда мадемуазель Шаре выйдет из дверей одна. Зачем? Несколько кивков в костеле, несколько улыбок, на которые страшно смущавшаяся Лиля едва отваживалась под строгим взглядом старшей сестры, несколько прогулок втроем от Невского до Мойки, во время которых он провожал сестер домой, изо всех сил стараясь быть галантным...

Откуда взялась эта зависимость от почти незнакомой девушки? Зависимость, которая сковывает по рукам и ногам и заставляет его примеривать к Лиле Шаре не только свой шаг, но и дыхание, и даже само биение сердца. И всю жизнь...

Мальчишка, выросший в вольных просторах Сибири, среди простых нравов и жестоких забав, художник, часами старательно копировавший в классах академии «обнаженную натуру», ловко скроенный, сильный, гибкий, ловкий молодой казак Василий знал страсть в лицо...

На всю жизнь запомнил он, как лежал голым на мерзлой ноябрьской земле его школьный товарищ Митя Бурдин, которому из ревности к какой-то зазнобе шальной казак проломил голову, как беспомощно было разметано по земле юное мускулистое тело. Страсть пахла кровью и порохом, но никогда - свежестью, никогда - теплом, никогда - нежностью... Никогда до той поры, пока он не встретил Лилию Шаре.

- Я, Елизавета Августовна, скоро уезжаю... - Ему показалось, что цокающие каблучки сбились с такта... И вслед за ними немедленно сбилось с такта его собственное сердце. Набрав в грудь побольше воздуха, Суриков выпалил:

- *Лилечка, милая... Я буду приезжать. Вы только ждите...*

И, посмотрев на нее взглядом попавшего в капкан медведя, добавил;

- *Пожалуйста.*

Наваждение

Долгожданная Москва без Лили показала пустыней. Храм был отвратительно помпезен, комната на Пречистенке неуютна и темна. Товарищи по академии от души наслаждались материальной независимостью - вовсю кутили в знаменитых московских трактирах. А он почти неизменно обедал в маленькой забегаловке у Пречистенских ворот, экономя каждую копейку. Друзья посмеивались, дразня «скупым рыцарем», а он отшучивался, до поры до времени суеверно помалкивая о том, что уже совершенно ясно и бесповоротно решил в глубине своего сердца - не позже следующих Святков он во что бы то ни стало женится на Лиле. Он знал, что против будут все: ее отец, его мать Прасковья Федоровна...

За прошедшие десять лет он лишь однажды вырвался в Красноярск - слишком длинным и дорогим был путь в родной город. Но от долгой разлуки любовь к матери, привычка сообщать ей обо всех подробностях жизни не угасла. Он знал, что Прасковья Федоровна беспокоится о его одиноком житье на чужбине и давно мечтает о внуках.

Но барышня во французской соломенной шляпке вместо хлопотливой, домовитой казачки? Мать ни за что не поймет этого...

А объяснять ему некогда. Любовь жгла сердце огнем, заставляя на сэкономленные деньги несколько раз за лето мотаться третьим классом в еще недавно такой ненавистный Петербург, проводить ночи в прокуренных вагонах, а утром браться за холсты и краски с красными от бессонницы глазами - и все только затем, чтобы полчаса побродить с Лилей по Летнему саду.

Он просто не сможет приняться за сколько-нибудь серьезную самостоятельную работу, если ее не будет рядом с ним. Он вообще ни за что в жизни не сможет приняться без Лили! Едва сдав работу в храме, не написав о своих намерениях ни брату, ни матери, он под Рождество бросился в Петербург.

Впоследствии Василий Иванович так и не смог отчетливо вспомнить тот сумасшедший месяц после его приезда и их венчание. Все слилось в какую-то огненную волшебную мозаику. Он сам толком не понял, как ему удалось против всех приличий вытребовать у ошеломленного его казачьим наскоком Августа Шаре эту свадьбу, которой вопреки тогдашней традиции не предшествовала даже полугодовая помолвка. Помнил только, как в ответ на опасения отца, что приданое мизерно, да и то не будет готово к сроку из-за такой спешки, сумрачно буркнул: «*Да не надо ничего этого*». Он был готов на все: дни напролет любезничать с будущей родней, носить ненавистный парадный костюм, бегать по многочисленным поручениям, связанным с предстоящей свадьбой...

Время от времени Суриков ловил на себе недоумевающие взгляды родителей Лили, которые, кажется, так и не осознали, каким ветром занесло в их дом этого необычного человека, но, сердцем почуяв его немереную любовь к их дочери, решились раз и навсегда вручить судьбу Лили в его руки.

Он очнулся только вечером после венчания - в железнодорожном куле московского поезда, когда перрон с махавшими платками родственниками поплыл в сторону, и сердце

вдруг бешено заколотилось в груди, все ускоряя свое биение в такт набиравшим ход колесам. Подняв руку, он провел ладонью по Лилиным волосам. И она, порывисто обернувшись от окна, в которое смотрела, впервые вдруг не смутилась под его страстным взглядом, не опустила глаза, а, пристально глядя ему в лицо, шагнула навстречу их общей отныне жизни...

Непереносимое счастье

Ни один из них двоих, страстно целовавшихся в тот вечер в качавшемся купе, не знал, что молоденькая Лиля Шаре, только что ставшая Суриковой, обречена. Страшная, но до поры до времени почти незаметная болезнь уже точила ее... И каждый удар растревоженного любовью сердца неумолимо приближал мучительный конец.

В первый раз Лиля слегла через несколько недель после приезда в Москву. Кружилась голова, страшная слабость не давала оторвать ее от подушки. Но приехавший к ним на Плющиху доктор только заулыбался лукаво: *«Папашей к осени станете, Василий Иванович»*. Потом вдруг посерьезнел: *«Вот что мне у Елизаветы Августовны в самом деле не нравится, так это пульс. Но, впрочем, организм молодой, все, я думаю, наладится»*. Двадцатого сентября родилась **Оленька**, ровно через два года, всего на день отстав от старшей сестры, - **Лена**.

Носила детей Лиля тяжело - не хватало дыхания, отекали ноги, под конец беременности не влезавшие в боты. Но жена бодрилась. И Василий с тайным восторгом наблюдал, как залюбленная младшая дочь утонченного столичного семейства на его глазах превращается в рачительную и умелую хозяйку растущей семьи. Это был истинный подарок небес, подарок, о котором он некогда в горячке страсти не смел и мечтать.

Умение мужа делать своими руками любую домашнюю работу неизменно восхищало Лилю. Надо ли подправить покосившуюся скамейку у ворот, прибить оторвавшуюся на лестнице доску, поставить самовар - все у него выходило отменно.

- *Ну чему тут удивляться, Лилечка?* - искренне недоумевал Суриков. - *У нас ведь прислуги отродясь не было. Я, бывало, до училища матери и дров наколю, и воды натаскаю. И в доме что поправить, приладить - тоже все я да Саша.*

О том, как восприняли его скоропалительную женитьбу красноярские родственники, Василий старался не думать, от души надеясь на то, что любовь все оправдает. Ну не могут они не полюбить Лилю! Она уж и шаньги с черемухой стряпать научилась! И на машинке вон как ловко строчит. Стараясь беречь средства, призванные обеспечить мужу творческую свободу, Елизавета с первых дней супружества завела в доме строгую экономию. На портниху для дочек не тратилась - шила сама. А из прислуги держала только одну женщину, которая была и нянькой, и кухаркой.

Счастье Василия Ивановича было незабываемым, непереносимым. Вот Лиля примеряет на Олю красное платье, сшитое специально к долгожданной и такой волнительной поездке в Красноярск. Вот она, ловко зажав в тонких пальцах иголку, пришивает новый кусок чистого холста к его картине.

Вина

Если бы только можно было избавиться от тяжелой непоправимой вины, что день и ночь щемила сердце художника! Но вина не уходила, томила и мучила.

Он был взрослее, старше, опытнее! Он должен был забить тревогу раньше, должен был что-то предпринять. Тысячу раз после Лилиной смерти, из ночи в ночь ворочаясь без сна, он вспоминал слова доктора **Черина**, лечившего жену всю последнюю зиму: *«Голубчик вы мой, порок сердца, тут уж ничего не попишешь»*.

И каждую ночь он думал, что мог бы если не предотвратить, то хотя бы отсрочить Лилин уход. Он должен был понять все еще тогда, когда писал с нее старшую меншиковскую дочь...

Черт возьми, он же художник! Он никогда в жизни не позволял себе *«грешить против природы»*. Именно поэтому так подолгу и придирчиво искал персонажей своих картин, приводя в дом то могильщика с Ваганьковского кладбища, ставшего «рыжебородым стрельцом», то торговца солеными огурцами с Хитровского рынка, превратившегося после в крестящего Морозову юродивого. Он насквозь видел человеческие лица, видел заложенные в них характеры, пороки, болезни...

Разыскивая натурщицу для Марии Меншиковой, несостоявшейся жены Петра II, скончавшейся в далекой сибирской ссылке, он знал, что ищет девушку, которой предстоит умереть. Печать смерти уже должна была лежать у нее на лице. И впервые посадив жену, закутанную в темный бархат, у стены своей мастерской, он тем самым признал, что увидел эту печать на Лилином лице.

Как он не понял тогда, что дни Лили сочтены? Он знал об этом! Знал! Знала его кисть, фиксировавшая черные тени под любимыми глазами, болезненную бледность, залившую любимое лицо, этот взгляд, как будто уже устремленный в вечность. Но даже самому себе он не мог признаться в этом тайном знании, о котором вопило его художественное чутье. Слишком велик и невыносим был страх перед неизбежной правдой...

Лето, в которое Суриков начал работать над «Меншиковым», они проводили в подмосковной Перерве. Дача оказалась плохой - сырая изба с подслеповатыми окнами. Да и погода не радовала - сплошные дожди. Лиля как-то враз осунулась, поблекла, как будто истаяла, а по ночам все старалась повыше положить подушку, чтобы дышалось полегче.

Но по хозяйству хлопотать не переставала, сама каждый вечер проверяла, сухие ли ботинки у дочерей и мужа. Как и его мать, она отчаянно боялась наследственной суриковской чахотки. После смерти отца страшный призрак еще раз навестил семью - от воспаления легких погибла старшая сестра Василия **Катя**. И он сам, еще будучи студентом Академии художеств, вдруг стал кашлять, потеть по ночам. Тогда его спас **Петр Иванович Кузнецов**, забравший Васю на все лето к себе на дачу - на кумыс в минусинские степи. Здоровье поправилось. Но доктора не уставали повторять, что каждая простуда может стать роковой...

И Лиля всякий раз от этих слов мертвела, страшась, что может повториться то страшное воспаление, из которого Суриков еле выбрался весной 1880-го, или то, что не дало ему возможности поехать вместе со «Стрельцами» на выставку год спустя. Василий знал, что только Лилиными заботами он после этих двух воспалений не получил туберкулез...

Почему же сам той осенью, после злосчастной сырой избы, после открывшейся ему страшной правды не увез Лилю на юг? Надо было занять денег, надо было что-то придумать. А впрочем, к чему теперь-то себя обманывать: не в деньгах было дело. Ему не терпелось закончить картину, которая захватила его целиком. А самой Лиле и в голову не могло прийти оторвать мужа от работы.

«Стрельцы», «Боярыня Морозова», «Меншиков»...

Как-то сразу, едва выйдя за Сурикова, она кротко, без лишних сцен и высоких слов раз и навсегда признала, что картины, кисти, холсты так же важны в их общей жизни, как и дети. Каждый вечер, искупав дочерей, Лиля наливала в таз еще теплую после детей воду и отправлялась в мастерскую за кистями - мыть. Прислуге она эту нехитрую вроде бы заботу никогда не доверяла...

Жили Суриковы тесно, и у Василия Ивановича никогда не было места, где он мог бы как следует разместить свои полотна: *«Стрельцов»* писал, двигая картину через распахнутые двери из одной комнаты в другую, а посмотреть как следует на *«Морозову»* можно было, только уйдя из мастерской через зал в переднюю.

Стараясь уместиться в тесных комнатах, Суриков всякий раз начинал писать с меньшего холста. И всякий раз потом, поняв, что без нужного глазу простора картина *«не пойдет»*, надставлял холст. К «Стрельцам» пришили правую сторону, ту, на которой

изображен в отдалении от осужденных надменный самодержец Петр Алексеевич, к «Боярыне Морозовой» - низ, где вьется за повозкой санный след. И только «*Меншиков*» сразу уместился на предназначенном ему полотне...

Своего «Меншикова» Василий выставил весной 1883-го в петербургском доме Юсупова, где уже несколько лет подряд устраивало свои выставки Товарищество передвижников. Критики, ждавшие от художника чего-то монументального в стиле прогремевших два года назад «Стрельцов», недоверчиво присматривались, ругали «нарушенную перспективу». «*Ведь если Меншиков встанет, он потолок головой проломит*», - заявил Крамской. Суриков в ответ посмеялся. «Если встанет»... А если нет?

Предчувствия, теснившиеся в душе с того злополучного лета в Перерве, давили душу, как нависший над головой потолок закопченной избы давил Меншикова. Только бы встать, только бы выбраться из смутной тьмы страшных предчувствий!

Едва получив от Третьякова деньги за картину, Суриков уехал в Париж, а оттуда - в Италию. К несказанному удивлению многих, художник, известный своей экономностью, даже некоторой скупостью, взял с собой в дорогое путешествие жену и двух крошечных дочерей.

Даже на несколько месяцев, даже на день он не желал отпускать от себя Лилю, каждую минуту стремясь быть с ней, - до той поры, пока одна из этих, уже сосчитанных судьбой минут не окажется в их жизни последней.

И тайной мечтой обоих вдруг стало страстное желание успеть увидеть вместе любимый Василием Ивановичем Красноярск. Родные звали, Прасковья Федоровна мечтала посмотреть на внучек. Но прежде следовало написать новую картину, чтобы добыть денег для поездки в Сибирь.

Черт бы побрал их, эти картины!

Ему уже виделись сани, спешащие по снегу, навсегда разрывающие пополам еще недавно так празднично расстилавшийся перед глазами простор. И бледная смертельной бледностью женщина, шагнувшая за роковую черту...

Черт бы побрал их, эти картины! Черт бы побрал! Они по крохам забирали его жизнь, а вместе с ней и жизнь той, которая была ему дороже себя самого. И эти так яростно растерзанные им этюды в доме Пассеков, изображавшие солнечное затмение над Красноярском. Он видеть их не мог! Даже знать о том, что где-то висят эти написанные его собственной кистью холсты, предсказывающие беду, было невыносимо...

.. Холодная лунная тень грозно напознала на солнце. Свет мерк, словно кто-то хищными горстями забирал его с небосклона. Меркли звуки, мерк сам воздух, в котором как будто исчезал кислород. Василий понимал, что этого быть не может, что все это — эмоции и бред, и вместе с тем чувствовал, как с каждой секундой дышать становится все тяжелее. Он быстро водил по холсту кистью, стараясь как можно точнее передать то, что видел вокруг: панораму залитого мертвенно-прозрачным мраком Красноярска, небо в бликах угасающего солнца, Енисей, казалось, замерший в своих берегах.

«*Ультрафиолетовая смерть...*» - пронеслось вдруг в голове. И предчувствие вплотную подступившей беды сжало сердце.

Он до последнего надеялся на чудо. Вернувшись домой на Благовещенскую, где в то лето впервые со времени женитьбы гостил у родных, он весело рассказывал, как перетрусил наблюдавшие затмение ученые мужи, как поп, служивший молебен у старинной часовни на горе, забыл махать кадиллом и устоял на почерневшем солнечном диске.

Мать, подперев кулаком морщинистый подбородок, слушала и подкладывала ему в тарелку пироги, брат смеялся и кричал, а Лилечка улыбалась нежной улыбкой. И казалось, что все хорошо и никакого предчувствия, да, может, и самого затмения вовсе не было...

После возвращения из Сибири в начале 1888 года он даже решился выставить злосчастные полотна, написанные на горе Часовой, на шестнадцатой передвижной выставке.

Но картины Сурикова впервые *«не пришли к двору»*: организаторы упростили художника не экспонировать их, и по согласованию с автором оба пейзажа еще до открытия были с экспозиции сняты. После этого Суриков по первой же просьбе уступил пейзажи Пассеку за совершенно смешные деньги, которые вопреки своей обычной экономности тут же истратил на какие-то безделицы.

На обратной дороге Лиля, томившаяся в Красноярске из-за суровой сдержанности свекрови, вдруг ненадолго вновь ожила. Весело шутила, зазывала Пассеков в корабельную столовую на чаепитие, уговорила Николая Помпеевича позировать мужу для небольшого этюда, прикидывала, где бы снять в Москве квартиру получше, такую, чтобы Васе было удобно начать новую картину о Разине.

Однако как только Суриковы вернулись в Москву, стало ясно, что чуда не будет: Лиля стала стремительно и неудержимо слабеть. Разговоры о большой картине и уже сделанные к ней акварельные эскизы пришлось оставить. Суриков успокаивал жену, говорил, что ему стоит передохнуть годок, да и квартира выйдет дешевле. Сняли они ее на сей раз на Смоленском бульваре.

Впервые за десять лет их совместной жизни рядом не было натурщиков, шума, суеты. Василий Иванович перетащил свой мольберт в самую теплую комнату - столовую и здесь часами писал портрет старшей дочери Оли, готовившейся в тот год в первый гимназический класс.

Рядом в глубоком кресле, закутавшись в шаль, сидела исхудавшая до неузнаваемости, постоянно зябущая Лиля. Она по-прежнему изо всех сил старалась не быть мужу обузой. Чтобы работа шла быстрее, развлекала скучавшую от неподвижности дочь разговорами. Младшая Лена играла рядом.

Однажды забралась под стол с зеркалом и куклой - «гадать». И вдруг в ужасе выскочила обратно, бросилась, побледнев, к матери. «Кошку, кошку видала!» Все стали смеяться...

И Лиля тоже улыбнулась тихой, болезненной улыбкой: *«Ну полно, Еленчик. Откуда там кошке быть?»* Но в глубине глаз у обеих плескались тоска и страх...

Последнее испытание

То были последние минуты покоя в их доме. Во время одного из таких вот тихих домашних дней в дом на Смоленском пожаловал **Лев Николаевич Толстой** - как он выразился, *«проведать дорогую Елизавету Августовну»*. В руках гость держал маленькую корзиночку с куриными яйцами. «Попробуйте, свежайшие». Поболтав с полчаса с хозяином, пошутив с Елизаветой Августовной, откланялся. На следующий день зашел вновь. Потом еще раз...

Поначалу Суриков был даже рад его приходам. Он прислушивался к мнению Толстого, безмерно его уважал. И если некоторые художественные советы писателя вроде предложения отрезать нижнюю, «пустую» часть полотна от «Боярыни Морозовой» ничего, кроме смеха и досады, у Сурикова не вызывали, то толстовская эрудиция, особенно в вопросах так волновавшей Василия Ивановича российской истории, неизменно поражала. Да и Лиля, любившая книги Толстого, к его приходу как-то приободрялась.

Сурикову, совсем забегавшемуся по домашним делам, измученному уходом за уже не встававшей с постели женой, визиты Льва Николаевича давали короткую, но такую необходимую передышку. Так прошло несколько недель, во время которых Толстой чуть не ежедневно бывал на Смоленском...

Почему, почему он даже от этого последнего испытания не смог оградить Лилю? Как он пропустил этот странный ищущий, пытливым взгляд, которым Толстой будто ощупывал осунувшееся лицо Елизаветы Августовны, ее иссохшие кисти рук, заглядывал в запавшие глаза? Ему ли не знать этот взгляд! Взгляд неутомимого охотника за новыми наблюдениями, взгляд истинного художника, взгляд, не знающий стыда...

Сколько раз он сам, бывало, вот так же алчно всматривался в прохожих, искал свою добычу. И Толстой тоже искал... Он жадно наблюдал за Смертью, которая кружила вокруг Лили, за ней самой, в последнем страстном порыве к жизни собиравшей к его приходу тающие силы. Наблюдал так же старательно и отчужденно, как наблюдают натуралисты повадки зверей.

А муж и защитник пил в это время чай с лимоном, смотрел в окно, пролистывал утреннюю газету! Лиля первая заметила этот «высматривающий» толстовский взгляд. И разгадав, что именно ищет он в ней, проплакала ночь напролет. *«Не пускай его больше к нам, Васенька»*, - жалобно попросила мужа.

Как он тогда дотерпел до утра, как не бросился немедленно в Хамовники, чтобы излить свой гнев, Суриков и сам не знал. Злоба, бешеная разбойничья злоба, веками таившаяся в вольном казачьем сердце, злоба, умноженная непреодолимым отчаянием и чувством собственной непоправимой вины, охватила его. И когда следующим утром в передней раздался характерный «толстовский» звонок, он сам распахнул дверь.

- *Вон!* - только и рявкнул Суриков. После он несколько минут стоял на лестнице, чтобы унять дрожь. Потом заглянул к жене в спальню:

- *Не бойся, голубушка, Лев Николаевич больше приходить не станет.*

Остался только художник...

Солнце его жизни гасло неудержимо, как будто кто-то хладнокровно надвигал на него тень луны. В начале марта началась агония, а двадцатого апреля, через две недели после похорон, изнемогавший от горя Василий писал брату первое за несколько месяцев письмо: *«...жизнь моя надломлена, что будет дальше, и представить себе не могу»*.

А дальше были опустевшие, сразу как будто выстывшие комнаты на Смоленском, где по ночам, казалось, все раздавался надсадный стук Лилиного изболевшегося сердца, рисунок могильной решетки, которую Суриков заказал по собственному эскизу, и страшная, черная, как будто вовсе не суриковская картина *«Исцеление слепорожденного»*.

Письма Василия в те месяцы были так ужасны своим отчаянием, что завзятый домосед **Александр Иванович**, ранее никогда не покидавший пределы Енисейской губернии, взял отпуск в присутствии и бросился к брату в Москву. А девять месяцев спустя Василий Иванович, не в силах более в одиночку бороться с горем, вместе с дочерьми уехал в Красноярск. Только там через полтора года после смерти жены он наконец смог приняться за большое полотно, отчасти напоминавшее прежнего Сурикова, - *«Взятие снежного городка»*.

Овдовев в сорок лет, Василий Суриков до самой смерти на исходе седьмого десятка так и не смог более впустить в свою жизнь ни одну женщину. Вся сила его нежности отныне навсегда была отдана дочерям. Почти каждое лето он с Олей и Леной отправлялся в Красноярск, где его всегда преданно ждали брат Саша и милый старый дом на Благовещенской.

Совсем переехать в Сибирь не давала могила на Ваганьковском, к которой Сурикова не переставало неудержимо тянуть. *«Без нас заросла сорной травой, что не узнать. Теперь мы ее поправили»*, - писал он брату.

«Иногда в вьюгу и мороз в осеннем пальто бежал он на Ваганьково», - вспоминал позднее друживший с Василием Ивановичем художник **Михаил Нестеров**, как и сам Василий Иванович, рано овдовевший.

Годы только красили Сурикова. Невысокий ростом, тонкий в кости, он с возрастом заматерел, раздался в плечах. Где бы ни появлялся импозантный художник, к нему неизменно устремлялись женские взгляды. Но все напрасно...

С годами боль поутихла, Суриков вновь стал весел, остроумно шутил. Когда на тридцать пятой передвижной выставке, осматривая его картину *«Степан Разин»*, какая-то дама, щурясь в лорнет, поинтересовалась: *«А где же княжна?»*, Василий Иванович как ни в

чем не бывало парировал: *«Так он ее только что бросил. Вон и круги по воде еще идут»*. И указал на разводы от казацких весел.

Во второй половине жизни Суриков особенно охотно рисовал женские портреты. Как будто его кисть все искала то единственное, родное и навсегда ушедшее в небытие лицо. Портреты неизменно бывали чудесны.

Но из исторической живописи Сурикова душа ушла навсегда. *«Взятие снежного городка», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы»* - все они были добротны, мастерски прорисованы, но уже не трогали душу так, как трогали ее некогда «Морозова» и «Стрельцы».

«В нем угас провидец и остался только художник», - написал о Сурикове тех лет **Максимилиан Волошин**. Видимо, провидение отныне было для сердца Сурикова слишком тяжким грузом.

Пришло время, когда Суриков стал дедом. Внуков **Наташу** и **Мишу** он просто обожал, был рад побыть с ними лишнюю минуту. В последние годы художник много болел, лечил то гайморит, то воспаление лёгких. Он ездил поправить здоровье в Крым, но там его начал мучить склероз сердца.

Суриков умирал в тяжёлое для его Родины время. Шла Первая мировая война. Зять художника Пётр Кончаловский был мобилизован и каждый день подвергался опасности. В начале 1916 года Кончаловский на короткое время приехал с фронта и застал Сурикова при смерти. К зятю Василий Иванович обратил свои последние слова: *«Петя, я исчезаю»*.

6 марта 1916 года он умер на руках у дочерей в гостинице «Дрезден». Ольга Васильевна вспоминала: *«Он умер в шестьдесят восемь лет - и совершенно как мудрец... Отец сестре сказал: «А рано я умираю». Он ещё хотел «Княгиню Ольгу» написать»*.

После смерти Сурикова осталось 11 эскизов к картине «Княгиня Ольга встречает тело Игоря, убитого дrevлянами». У художника были и другие творческие замыслы, он хотел написать большую картину о красноярском бунте 1698-1699 годов, в котором участвовали его предки.

Суриков пережил свою жену, Елизавету Августовну, на долгих двадцать восемь лет и умер от воспаления легких, как и она, ранней весной.

Хоронила его вся Москва. Гроб несли художники, в церкви пел хор Московского училища живописи, ваяния и зодчества. Молодёжь любила Сурикова за то, что он, хотя и не преподавал, но с большим вниманием относился к творчеству молодых художников и никогда не отказывал в совете.

«Я думаю, что редкий, может быть, единственный художник был так всеми любим, как Василий Иванович», - писал Кончаловский впоследствии.

Похоронен Василий Иванович Суриков там же, где и его жена, - на Ваганьковском кладбище в Москве.

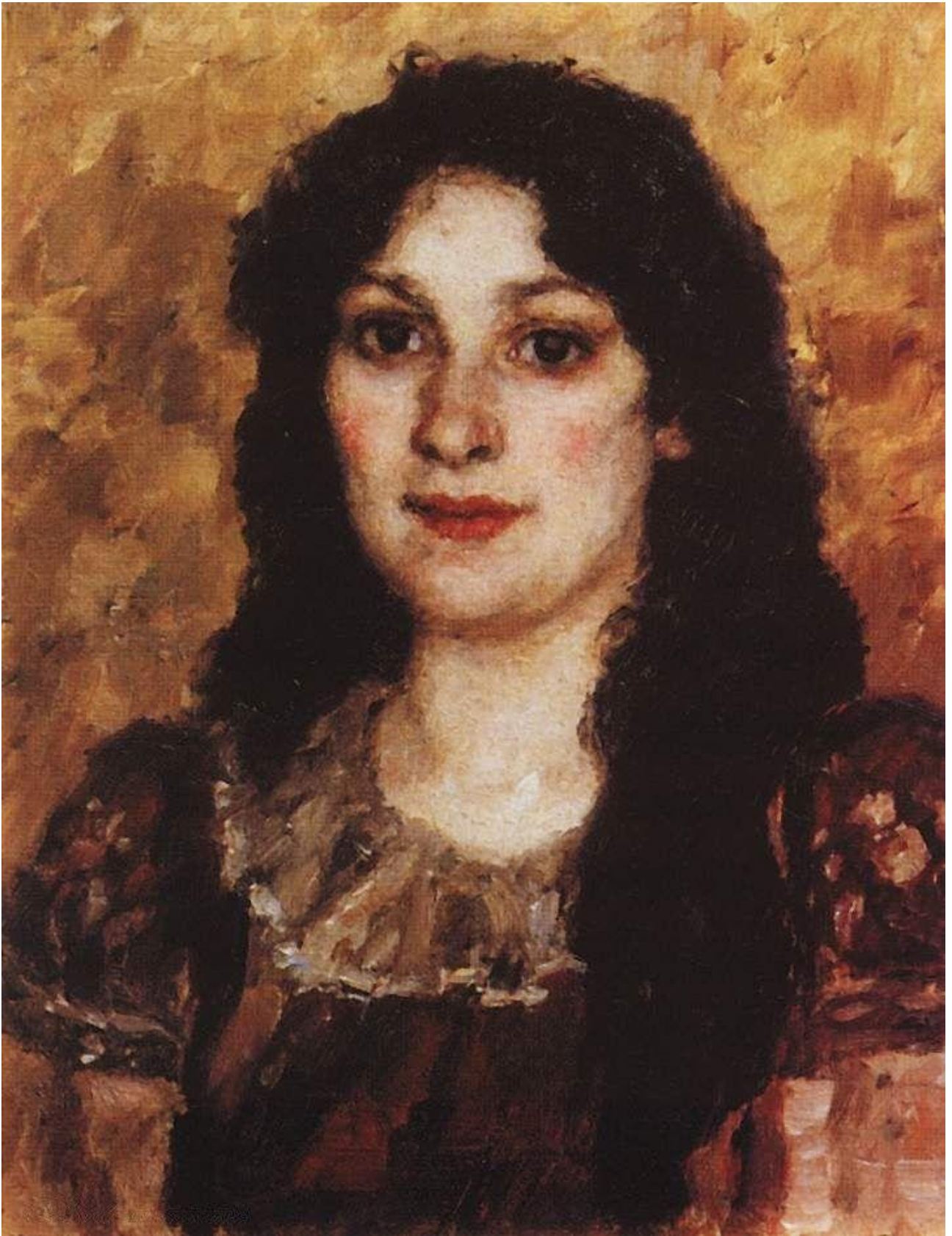
Литература:

1. **Ануфриева В.** Отрада Суриковская//Красноярск: Сибирские промыслы, 2007.
2. **Афренко В. А.** Суриков в Сухобузимском. - Железногорск, 1999.
3. **Варьяш А.** Василий Суриков: Затмение сердца/Антонина Варьяш// Караван историй. - 2007.- №12.- Стр. 306- 329.
4. **Васильева-Шляпина Г.** Сибирские красавицы В. Сурикова. Портрет в творчестве художника// Иван Федоров. - Санкт-Петербург, 2002.
5. **Евдокимов И. В.** Суриков. - М., 1933. - 164 с. (Сер. «Жизнь замечательных людей»)
6. История русского и советского искусства. М.: Высшая школа, 1989.
7. **Кеменов В. С.** Историческая живопись Сурикова. 1870-1880-е гг.- М.: 1963.
8. **Кожевникова Т.** Василий Суриков. - М.: Белый город, 2001.
9. **Машковцев Н.Г.** В.И. Суриков. - М.: Искусство, 1994.
10. **Петина Е.** Русские художники. 50 биографий. - СПб.: Аврора, 2001.

11. **Розенвассер В.Б.** Василий Иванович Суриков (К 140- летию со дня рождения).- М.: Знание, 1988.- 56 с. - (Новое в жизни, науке, технике. Сер. "Искусство", №1).
12. Самарский художественный музей: Русская живопись XVII - начала XX века. - Самара: Самарский художественный музей: Издательский дом "Агни", 1999
13. **Сарабьянов Д.** Василий Суриков.- М.: Изобразительное искусство, 1970.
14. **Суриков В. И.** Альбом. Вступ. ст. Н. Г. Машковцева. - М.: 1960.
15. **Суриков В. И.** Альбом. Вступ. ст. Д. Сарабьянова.- М.: 1963.
16. **Суриков В. И.** Письма. Воспоминания о художнике. - Л.: 1977.
17. **Шанин В. Я.** Суриков, или Трилогия страданий. - М., 2010.

Суриков

Лиля - жена Сурикова

Переход Суворова через Альпы Суриков ВИ

Утро Стрелецкой казни Суриков ВИi.jpg